

Товарооборот и торговля

(Опыт теоретического анализа)

Изучая экономические процессы, связанные с распределением товаров, как в капиталистическом хозяйстве, так и в хозяйстве переходного периода, мы обычно употребляем два термина, определяющих совокупность этих процессов, и говорим либо о торговле, либо о товарообороте. Если мы попытаемся установить на основании как печатных работ, так и устных выступлений, в каких случаях употребляется тот или иной термин, то почти не найдем никаких признаков, определяющих особенности каждого из этих понятий, выделяющих каждое из них в нечто отличающееся одно от другого. Только, пожалуй, в тех случаях, когда говорится о товарных массах и их движении, у нас принято, и то не всегда, говорить об этом, как о товарообороте, а когда говорится об организационных моментах, то употребляется термин „торговля“. Чаще же всего во всех работах говорится о торговле — „советская торговля“, „торговля города с деревней“, „экономика торговли“ и т. д., — вот обычные терминологические сочетания, которые сплошь и рядом можно встретить у нас. Часто же автор той или иной работы употребляет эти термины вперемежку, вероятно, для разнообразия. Если же мы возьмем любую работу на эту тему, написанную буржуазными экономистами, то там вообще слово „товарооборот“ мы не встретим, — говорится только о торговле, даются определения торговли, экономики торговли и т. д. И невольно встает вопрос о том, насколько случайна эта терминология, нет ли здесь более глубоких причин, выяснение которых важно для нас? Только ли дело здесь в уточнении терминологии или за этим скрываются определенные экономические и принципиальные моменты, выяснение и уточнение которых для нас имеет как принципиальное, так и практическое значение?

Постараемся разобраться в этом вопросе и по возможности сделать необходимые выводы.

Как мы уже указали, все буржуазные экономисты в работах о распределении товаров называют систему распределения торговлей, а не товарооборотом, при чем дают различные основные признаки этого процесса. У одних в основе лежит по преимуществу юридическое основание. Так, Ф. Клерк говорит: „Торговля заключается в действиях, направленных и приводящих к передаче права

собственности на товары и к техническому перемещению последних“. Ю. Гирш, указывая на то, что сущность торговли составляет перемещение товаров, подчеркивает, что „перенос благ не следует понимать буквально. Это не только перенос реальных предметов, но также передача права распоряжения ими“. И дальше он указывает, что в этом случае торговля ведется документами, представляющими товар. Мы знаем, что торговля ведется не только документами, представляющими товар, но и совершенно несуществующими товарами, когда совершаются фиктивные сделки, за которыми нет никакого продвижения товаров.

Другие определения торговли даются с преимущественным подчеркиванием наличия особой группы капиталистов, которые осуществляют этот перенос благ и все прочие функции торговли. Таково, например, определение Лексиса, который говорит, что „торговля в собственном смысле слова — это приобретение и сбыт товаров или ценных бумаг в качестве промысла“. Приблизительно то же говорит проф. Лященко: „Под торговлей понимается профессиональная деятельность определенного класса лиц,¹ торговцев, направленная на покупку тех или иных предметов, товаров для дальнейшей продажи их с целью получения прибыли“.

Наконец, третья группа экономистов центр тяжести переносит на самое перемещение товаров, на продвижение их от производства к потреблению, в то время как остальные экономисты, в том числе и цитированные нами, не определяют основной функции торговли, заключающейся в перемещении товаров. Нельзя, конечно, отрицать и того, что вопрос о юридической основе торговли имеет огромное значение в капиталистическом хозяйстве, поскольку ряд сделок совершается без реального продвижения товаров. Равным образом, нельзя игнорировать и вопрос о роли и значении в торговле специальной группы капиталистов и специального капитала, обслуживающего торговлю. Задача заключается в том, чтобы определить главные свойства, отделив их от второстепенных, установить такие признаки, которые лежат в основе торговли и являются определяющими ее сущность. Но если мы не уточним самое понятие торговли, то совершенно не будем в состоянии это сделать, а уточнение возможно при условии определения экономической сущности всего процесса распределения товаров.

И здесь выступает необходимость вернуться к первоначальному вопросу, поставленному нами в самом начале данной работы, т. е. к вопросу о выяснении содержания терминов торговля и товарооборот.

Элементарной истиной является то положение, что товарооборот или вернее обмен товаров появляется с разделением труда в обществе.

¹ Здесь, конечно, нужно отметить, что купцы вовсе не являются самостоятельным классом, а представляют часть класса капиталистов.

Никаких норм, регулирующих этот обмен, первоначально не существует и обмен происходит „актами воли владельцев, желающих взаимно отчудить их (товары, продукты) друг другу“ (Маркс). Но постепенно устанавливаются устойчивые формы обмена, последний превращается в форму организованной связи между общинами и отдельными производителями, создаются первичные формы этой связи. Можно ли назвать этот этап обмена торговлей? Нам кажется, что нет. Здесь нет всех тех признаков, которые определяют торговлю, как самостоятельную функцию народного хозяйства, здесь нет посредничества, связывающего отдельные общины, нет купцов. Ш. Летурно в своей „Эволюции торговли“ приводит много примеров обмена, когда общины чернокожих в порядке определенного хозяйственного плана выделяют часть продуктов, произведенных общиной, и обменивают их на продукты другой общины. Летурно указывает, что в некоторых общинах выделяется специальное лицо, которое постоянно ведет эти сделки. Но назвать это лицо купцом и торговцем нельзя, поскольку оно не преследует никаких целей личной наживы, не обладает никаким собственным товаром или капиталом, а осуществляет сделку между двумя или несколькими хозяйствами, не противопоставляя свои интересы интересам тех лиц, которых оно представляет, и проводя необходимую для общины работу. И ясно, что если в этой деятельности нет посредничества и личной заинтересованности, то нет и торговли. Как же можно назвать такой обмен, когда он выходит за границы случайной формы обмена и становится органическим условием существования и хозяйственного развития общества? Мы думаем, что такой органический обмен следует называть первичной формой товарооборота или продуктооборотом.

На определенной стадии экономического развития создается необходимость вступать в обмен одних хозяйственных организмов с другими, так как без этого обмена невозможен дальнейший рост производительных сил. Создавшееся разделение труда требует этого обмена, являющегося необходимым условием всей хозяйственной жизни. Поскольку здесь происходит процесс перераспределения созданных товаров в интересах общества, продуктооборот является экономически необходимым, вырастает в одну из важнейших хозяйственных функций общества. Постепенно создается устойчивая связь между отдельными хозяйствами, вырабатываются формы продуктооборота, создается целая система взаимоотношений. В приведенной уже нами „Эволюции торговли“ Летурно даны описания различных ступеней в развитии продуктооборота, взятые им из описания быта и хозяйственной жизни различных некультурных и малокультурных народов.

Появление денег, как средства обращения,¹ облегчает процесс продуктооборота, упрощает проведение его, ускоряет развитие меновых отношений, а „постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом“ (Маркс). Если в результате

этого, как говорит Маркс, „часть продуктов труда начинает производиться преднамеренно для обмена“, то все же обмен попрежнему остается экономически целесообразным и ведет к дальнейшему росту производительных сил. Но поскольку часть продуктов изготовляется для обмена и поскольку вырабатываются определенные соотношения между отдельными продуктами, меновая связь становится организованной и появляется товар, — эту новую форму обмена мы должны назвать развернутым товарооборотом.

Расширение хозяйственных связей и рост техники, облегчающий производство, влекут за собой дальнейшее расширение товарооборота. Если, с одной стороны, техника обеспечивает возможность выделять из хозяйства все больше и больше продуктов, выступающих как товары, т.е. предназначенных для обмена, то одновременно и рост хозяйственных связей толкает к росту меновых отношений. Мы знаем из опыта развитого хозяйства, когда отсутствие возможности обменять свой товар на другие товары способствовало тому, что хозяйство постепенно превращалось в чисто натуральное, все более и более ограничивая выход своих продуктов на рынок и сокращая производство, ограничивая его собственными внутрихозяйственными потребностями.¹ Таким образом, рост товарооборота, развитие связей с другими хозяйствами, — являются толчком к росту техники и развертыванию производительных сил хозяйства. Поэтому изучение самого процесса товарооборота требует изучения всего хозяйства, поскольку весь товарооборот органически связан с хозяйством в целом. Расширение этих связей еще больше способствует росту товарооборота. Если возникновение его относится к тому моменту, когда „данный предмет потребления, утрачивает свою потребительскую стоимость и имеется в количестве, превышающем непосредственные потребности своего владельца“ (Маркс), то с развитием техники и меновых отношений производство перестраивается в сторону исключительного производства на рынок. Фабрикант вовсе не сбывает „излишки своего производства“, а исключительно производит для сбыта.

Но еще раньше, с развитием меновых отношений и установлением обмена между отдаленными общинами и хозяйственными организациями появляется необходимость в посредничестве. Это посредничество образуется в лице появившегося торговца и осуществляется через появление рынка. Рынок как форма организации обмена возникает раньше, чем появляется купец. На рынке, т.е. определенном месте, встречаются производители, которые желают обменять предметы своего производства на другие. Летурно рассказывает о том, что у некоторых некультурных народов существует обычай, когда община относит в определенное место те то-

¹ Примером может служить крестьянское хозяйство в эпоху „военного коммунизма“.

вары, которые она готова отдать в обмен на другие нужные ей, а другие производители забирают то, что им нужно и взамен оставляют свои товары. Здесь мы имеем прообраз рынка как технической организации, облегчающей обмен. Но с развитием обмена рынок вырастает как экономическая категория — через рынок устанавливается постоянная связь между отдельными хозяйствами и через рынок происходит регулирование производства этих хозяйств, втянутых в товарооборот. Средневековые крестьяне привозили свои продукты на рынки у городов, монастырей и церквей, чтобы получить взамен городские товары, производимые ремесленниками. Связь между различными группами производителей устанавливалась непосредственно, но рынок регулировал эти отношения, заставляя считаться с размерами потребления и изменениями спроса.

Гораздо более резкое изменение в товарообмене и товарообороте вносит появление посредников — купцов. Роль купца резко отличается от роли того посредника, о котором, как мы уже говорили, рассказывает Летуно. Купец не представляет интересы организованной общины, а свои собственные. Он выступает как капиталист, который авансирует капитал для проведения обмена и рассчитывает на получение прибыли от своих операций. Если с развитием капиталистического хозяйства прибыль торговца в основном от него не зависит и выливается в форму средней прибыли, то на первых ступенях развития капиталистического хозяйства купец получает прибыль в значительной степени благодаря своему умению обмануть производителя и потребителя, используя свое положение. Разрыв между отдельными хозяйствами служит купцу на пользу — он может учесть разницу в развитии производительных сил между отдельными районами, использовать зависимость от него производителя, поставить его в необходимость продавать свой товар по пониженной цене. Мы можем привести массу иллюстраций для этого положения как из эпохи первоначального капиталистического накопления, так и из более позднего времени — торговля с отсталыми народами и сейчас проходит в основном путем обмана и через эксплуатацию производителя. Особенно интересен обмен между капиталистическим купцом и отсталыми экономическими народами. В то время как для члена общества, переживающего еще первые этапы развития менового хозяйства, обмен представляется в самой простой форме: „Я даю то, что мне не нужно, чего у меня много, и беру то, что ты мне предлагаешь взамен потому, что мне это нравится“, т.е. без учета эквивалентности обмена или, вернее, без наличия всеобщего эквивалента — для купца этот обмен построен на учете относительной стоимости товара, который он хочет выменять. Здесь мы имеем простую по внешности форму обмена, здесь нет по внешности связующего звена — денег, но весь обмен построен на том, что купец учитывает разницу в стоимости товаров как тех, которые он привез, так и тех, которые он увозит, и расценивает весь

обмен на основе учета того капиталистического рынка, на котором он выступает с приобретенными товарами. Формально он не обманывает своего некультурного контрагента, но по существу он использует его некультурность и оторванность от капиталистического рынка. Формально этот контрагент совершает „выгодную сделку“, так как получает то, что ему нравится, но выгода эта фиктивна, так как торговец вооружен знанием рынка и представлением об относительной стоимости товаров, в то время как его контрагент просто совершает обмен одного продукта на другой, исходя из потребительской стоимости их. Но историческая поговорка: „Не обманешь — не продашь“, а равно и неприязненное отношение к купцам, как мошенникам и плутам, не совсем устарело в условиях развитого товарооборота не только в отношении обмена между развитым и отсталым хозяйством, но и внутри капиталистического хозяйства, поскольку в меновые отношения вступают различные по своему развитию хозяйства. Купец выступает на рынке как организатор обмена. Он появился не самопроизвольно, но явился следствием новых экономических условий. Но он использует эти условия так, чтобы наибольшая масса прибавочной стоимости и прибавочного продукта, созданного в обществе, перешла к нему. Новые условия товарооборота требуют создания и новых форм его. Эти новые формы возникают, как следствие новых производственных отношений и технических условий. Купец создает эти формы, вынужденный к этому внешними, от него независимыми обстоятельствами. Но он стремится использовать всю создающуюся обстановку в своих интересах. Лучшим примером этого может послужить товарная биржа. Возникшая как аппарат, облегчающий товарооборот, дающий возможность владельцам товаров установить спрос и предложение на рынке и договориться о состоянии рынка и ценах, учитывая рыночное равновесие, биржа затем становится постепенно такой организацией, которая в значительной степени игнорирует реальный спрос и реальное предложение и является органом, регистрирующим сделки, независимо от того, следует ли за заключением сделки реальное передвижение товаров от производителя к потребителю. Никто не может в настоящее время по биржевой статистике определить реальный товарооборот, потому что огромная часть сделок заключается для того, чтобы получить разницу в цене, и отнюдь не вызвана той необходимостью передвижения товаров, которая создается в результате разделения труда в обществе. Сколько бы ни говорил Туган-Барановский и другие буржуазные экономисты о пользе товарных бирж и насколько ни было бы действительно велико их значение, это ни в малейшей степени не умаляет того положения, что на первом месте стоит вопрос о сделке, как таковой, независимо от того, следует или нет за ней реальный товарооборот.

Торговец является представителем торгового капитала. Он вкладывает свой капитал в оборот, покупая у производителя готовый

товар, и продает этот товар потребителю, извлекая торговую прибыль. Маркс говорит о купце: „Его имущество всегда существует, как денежное имущество и его деньги постоянно функционируют как капитал. Форма этого капитала постоянно одна и та же, — $D—T—D'$; деньги, самостоятельная форма меновой стоимости, исходный пункт и увеличение меновой стоимости — самостоятельная цель“ („Капитал“, т. I, ч. 1, стр. 310). Для купца вовсе не стоит вопрос о том, что товар должен быть потреблен, что его функция является необходимым орудием в продвижении товара от производителя к потребителю. Ему важно продать товар, т. е. превратить его в деньги, затраченные на покупку плюс прибыль. Размер этой прибыли играет для него главную роль, цена товара является для него единственным регулятором всех его действий. Он задерживает товар на складе или ускоряет его продажу, он сбывает товар в низшее звено торговли или перепродает другому оптовому торговцу, только исходя из возможности получить больше или меньше прибыли при продаже. Все его желания направлены только на погоню за прибылью. Если мы знаем, что средний процент прибыли не зависит от желания и ловкости купца, а устанавливается общим состоянием и производительностью хозяйства, то в каждом отдельном случае торговец может получить добавочную прибыль подобно тому, как фабрикант получает дополнительную прибыль, если на его предприятии производительность выше средней производительности промышленности. В погоне за этой прибылью создается развернутая реклама, работает биржа и другие торговые институты. Эти учреждения перераспределяют торговую прибыль между отдельными капиталистами, а в развитом капиталистическом хозяйстве перераспределяют и весь общественный доход. Одновременно с потребностями общественного потребления создаются искусственные потребности рынка. На ряду с емкостью рынка, называемой обычно товарной, появляется и развивается торговая емкость, — величина в значительной степени искусственная, отражающая те уродливые формы товарооборота, которые создаются в результате анархического распределения товаров и развития сделок, за которыми не следует никакого передвижения товаров от производства к потреблению, или когда товар движется не по прямой линии, а в интересах торгового капитала совершает обходное движение. Поскольку основной задачей и целью торговцев становится получение прибыли, постольку все институты, созданные для обслуживания товарооборота, приспособляются для этих целей купца и всего класса капиталистов в целом, и в них отражается нормальный товарооборот, как в кривом зеркале. Вся созданная система, явившаяся следствием разделения труда в обществе и необходимая для распределения товаров через рынок, отражает в себе противоречия капиталистического хозяйства и является организационной надстройкой над теми экономическими процессами, которые происходят в обществе. Эта организационная форма товарооборота

и будет тем, что следует называть торговлей. Если под товарооборотом мы на основании всего нашего изложения должны понимать распределение товаров в условиях товарно-денежного хозяйства, то под торговлей следует понимать формы организации товарооборота. Какие же специфические черты имеет эта форма организации товарооборота? Прежде всего, наличие купца — посредника, общественной функцией которого является организация этого товарооборота, а стимулом к этому — получение прибыли на вкладываемый им для обслуживания товарооборота капитал. Затем — появление и развитие торгового капитала. Товарооборот появляется значительно раньше, чем торговля. Если непосредственный обмен между производителями является уже определенной формой товарооборота, то здесь мы еще не имеем торговли, как таковой. Она появляется тогда, когда появляется посредник — купец, „который покупает не для удовлетворения своих личных потребностей, но в своем акте купли концентрирует акты купли многих лиц“ (Маркс). Развитие торгового капитала создает новые формы товарооборота, т. е. порождает торговлю. Торговый капитал, который вначале выступает как посредник, связывающий производителя и потребителя, участвует в товарообороте как необходимое звено в формуле $T—D—T$. Только с развитием товарооборота и с укреплением роли торгового капитала купец подчиняет себе производителя и потребителя и создает систему торговли как организации всего процесса товарооборота. Ничего не меняется в этом отношении с подчинением торгового капитала промышленному и банковскому. Разница только в том, что на новой стадии развития капитализма более мощный промышленный и банковский капитал создает еще более совершенные формы торговли, подчиняя себе потребителя и мелкого производителя и превращая независимого торговца в своего коммерческого агента. Вся система торговли зависит от экономики всего хозяйства и товарооборота. Но организационные формы торговли, создавшиеся в результате осложнения процесса товарооборота, влияют также на товарооборот и все хозяйство, хотя они являются производными от последних. Поэтому изучение форм торговли необходимо не только для ознакомления с техникой и организацией самой торговли, но и для более углубленного и обстоятельного изучения всего товарооборота в целом.

Торговля, как организация товарооборота, охватывает основную массу всех товаров, поступающих на рынок для обмена. Но нельзя утверждать, что торговля охватывает весь товарооборот. Если мы возьмем любое капиталистическое хозяйство, то там мы найдем формы хозяйства, которые не охватываются системой торговли, но участвуют в общем товарообороте. Достаточно для этого взять внутрикрестьянский товарооборот, который в значительной части проходит без посредничества торгового капитала, но имеет огромное значение для учета всего товарооборота страны. По мере роста

капиталистического хозяйства торговля охватывает все большую и большую часть товарооборота. Одновременно втягивается в товарооборот все большая часть продуктов путем повышения товарности хозяйства в целом. Но на ряду с этим происходит и другое явление. Мы уже говорили о том, что с развитием торговли, как формы товарооборота, происходит отрыв формы от содержания. Вместо торговли товарами как потребительными и меновыми ценностями развивается торговля документами на товары, погоня за прибылью, не связанная с непосредственным перемещением товаров¹. Если на первых стадиях торговли определенному количеству сделок соответствует определенный товарооборот, т.е. продвижение массы товаров, поступающих из производства в потребление, то в развитии капиталистического хозяйства на сцену выступает торговый оборот, когда вовсе не всегда за сделкой следует продвижение товара. Целый ряд сделок заключается с фиктивными товарами, когда идет торговля „воздухом“. Многие из этих сделок построены на расчете на повышение или понижение цены, на те или иные изменения в товарообороте. Многие сделки заключаются между купцами или торговцами спекулянтами на определенные товары без всякого учета потребительского спроса при расчете исключительно на торговый спрос. И если бы мы подсчитали массу товаров на рынке по всем торговым сделкам, то она превзошла бы во много раз реальную массу, поступающую на рынок.

Таким образом, мы видим, что, с одной стороны, торговые сделки не охватывают всего товарооборота в целом, а с другой — создают совершенно неверное представление о той массе товаров и тех размерах реального товарооборота, которые выступают на рынке. По мере роста капиталистического хозяйства и товаризации натурального хозяйства, по мере проникновения торговли и ее представителя купца, носителя торгового капитала, торговля охватывает все большую и большую массу товаров и все более искажает весь процесс товарооборота. Товарооборот, организованный в торговле, воздействует на все хозяйство. Каждое отдельное хозяйство, вступая в меновые отношения, втягивается в общую систему товарооборота и торговли. „Раз вещи превратились в товары для внешних сношений — такое же превращение совершается путем обратного действия и для внутренней жизни самой общины“, — говорит Маркс. Торговля с ее аппаратом и системой учреждений организует весь товарооборот и использует законы рынка в интересах торгового капитала и купца.

И в современном капиталистическом хозяйстве не только среднего купца, но и исследователя, экономиста, стоящего на уровне буржуазной науки, прежде всего интересует не товарооборот, а тор-

¹ Нужно, конечно, иметь в виду, что часть товаров, например — дома, земля и т.д. не перемещаются физически в товарообороте, но это ничего не меняет, т.к. нормальными они после продажи выбывают с рынка, как товары, и поступают в эксплуатацию.

говля. Поскольку в форме торговли отражается вся хозяйственная жизнь и выливаются все противоречия в товарообороте, связывающем в одно целое рынок, постольку ищут разрешения этих противоречий в изучении самой торговли, часто игнорируя совершенно изучение самих причин этих противоречий. Недочеты торговли, как формы распределения товаров анализируют оторванно от всего хозяйства и прежде всего от товарооборота. Устранением технических недочетов торговли хотят „исправить“ весь процесс распределения, не учитывая того, что эти недочеты являются чем-то производным, а не основным.

Организация торговли идет параллельно с ростом и усложнением процесса товарооборота. На первых ступенях развития менового хозяйства торговля носит чисто технические формы организации и служит только для того, чтобы лучше организовать процесс обмена. Но, как мы видели, с ростом товарного обмена, с появлением купца и торгового капитала, усложнение процесса товарооборота не только сказывается на самих формах торговли, но отрывает ее от выполнения непосредственных задач и основных функций, превращая в самодовлеющую категорию капиталистического хозяйства. Эта независимость торговли от товарооборота и задачи распределения товаров тем не менее для нас фиктивна настолько, насколько она реальна для купца. Если он полагает, что из „воздуха“, благодаря ловкости его торговых операций, он делает деньги, то никак на такой точке зрения не можем стоять мы. Для нас ясно, что это „производство“ денег полностью вытекает из природы экономических организаций и, в частности, из развития и состояния товарооборота. И объяснение этой способности добывать деньги из „ничего“ мы должны искать в экономическом анализе товарооборота, а не в изучении формы его — торговли.

Поэтому мы думаем, что нельзя говорить об экономике торговли, а можно говорить только об экономике товарооборота, так же точно, как мы не можем говорить об экономике организации промышленности, а только об экономике промышленности. Не торговля, а товарооборот, т.е. система распределения товаров в товарно-денежном хозяйстве, является экономической категорией этого хозяйства, в то время как торговля есть только форма организации этого товарооборота. Торговлю можно изучать только как организационную форму товарооборота, изменяющуюся по мере изменения структуры и содержания самого товарооборота и состояния всего народного хозяйства. В торговле отображаются только те процессы и явления, которые экономически концентрируются в товарообороте, являющимся органической частью менового хозяйства.

Вернемся теперь к тем вопросам, которые мы поставили в начале нашей статьи. Теперь мы можем на них ответить и сделать необходимые нам выводы. Для нас теперь ясна разница между торговлей и товарооборотом. Но нужно просмотреть заново и те опре-

деления понятия торговли, которые мы приводили. Для нас также ясно, что все перечисленные авторы дают определение торговли, а не товарооборота. Если мы возьмем определение проф. П. Лященко, который видит, как и Лексис, особенности торговли в наличии особой группы лиц, которые осуществляют обмен, производя это „в качестве промысла“ (Лексис), или возьмем определения других авторов, которые оттеняют момент передачи права собственности на товары, при чем некоторые (Гирш) подчеркивают, что эта передача вовсе не влечет за собой обязательного перемещения товаров,—то должны будем сказать, что все эти авторы совершенно правы, поскольку они говорят о торговле. Действительно, для торговли характерно как то, что обмен совершают купцы, вкладывающие в обмен торговый капитал и стремящиеся получить торговую прибыль, так и то, что торговая сделка не влечет за собой обязательного перемещения товаров по линии производство—потребление. Все это совершенно верно. Но все это определяет торговлю, а не товарооборот. И хотя Клерк говорит о том, что торговля влечет техническое перемещение товаров, но он совершенно не вскрывает экономической сущности этого явления и не устанавливает разницы между торговлей и товарооборотом. Для него вопрос о техническом перемещении товаров имеет такое же значение, как и все остальные свойства торговли.

Фактически на такой позиции остается и П. Лященко. Правда, он в первой главе своей работы говорит о товарообороте, но он не дает определения его и отождествляет с торговлей, а в предисловии указывает на необходимость изучения экономики торговли. Говоря о теории торговли, он не видит, в какой мере все изучение торговли упирается в изучение товарооборота. Поэтому и вся книга его представляет собой смешение вопросов, часть которых должна быть отнесена к экономике товарооборота, а часть—к организации и технике торговли. На ряду с этим он совершенно не устанавливает связи между товарооборотом и производством, не говорит об особенностях товарооборота, как такового. Он смешивает в одну кучу основные элементы товарооборота с организационными формами торговли.

Фактически все экономисты говорят только о торговле и экономике торговли. Для них торговля, как форма организации товарооборота, является самодовлеющей экономической категорией, которую они считают необходимым изучать. Не случайно, поэтому, каждая подобного рода „экономика торговли“ центр внимания уделяет вопросам организации и техники торговли и совершенно игнорирует процесс товарооборота. Только один из буржуазных теоретиков торговли—Шер, подходит шире и глубже к вопросу о товарообороте, и в своей вводной части, говоря о торговле, подразумевает весь процесс товарооборота в целом.

Но каково практическое значение наших рассуждений? Мы не собираемся только уточнять терминологию, а должны выяснить,

в какой мере это уточнение важно для практической работы в нашем социалистическом строительстве. Как мы уже отмечали, в отношении распределения товаров в переходный период у нас также путанно многочисленные авторы говорят и о товарообороте и о торговле.¹ А между тем, для нас этот вопрос приобретает большое как принципиальное, так и практическое значение.

В самом начале нэпа Ленин поставил вопрос о значении торговли у нас в интересах социалистического строительства. В своей брошюре о „Продовольственном налоге“ он писал:

„Дать мелкому крестьянину все потребные ему продукты из производства крупной социалистической фабрики в обмен на хлеб и сырье. Это была бы самая желательная, самая „правильная“ политика,—мы ее и начали. Но мы не можем дать всех продуктов, далеко не можем и не очень скоро сможем—по крайней мере, до тех пор не сможем, пока не закончим хотя бы первой очереди работы по электрификации всей страны.

Как же быть?...

Пытаться запретить, запретить совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т.-е. торговли, т.-е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей. Такая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее. Глупостью, ибо эта политика экономически невозможна; самоубийством, ибо партии, пробуящие подобную политику, терпят неминуемо крах“.²

Вдумаемся в эти слова, которые мы все хорошо знаем, но пойдем к ним не с общей установкой „объяснения нэпа“, а с точки зрения поставленной нами проблемы. Здесь Ленин говорит о необходимости товарооборота и указывает, что при других условиях этот товарооборот между городом и деревней мог бы не носить формы торговли, а приводиться иначе. В настоящих же условиях он должен вылиться в форму торговли, т.-е. принять ту форму, которая существует в капиталистическом хозяйстве. В других местах той же работы и в других работах Ленин неоднократно подчеркивает вопрос о том, что торговля является у нас формой связи между организованным социалистическим хозяйством и хозяйством отсталым. Мы заинтересованы в том, чтобы поднять мелкое хозяйство, объединить его и связать с крупным социалистическим. Когда Ленин говорит о необходимости „учиться торговать“, то он здесь, как видно из его работ, имеет в виду два момента: во-первых, учиться исполь-

¹ Недавно вышла из печати книга А. Николька, „О внутренней торговле“. В этой книге нужно отметить огромную путаницу по этой части. Первую главу автор называет „Развитие товарооборота при нэпе“, но сейчас же забывает об этом и говорит о торговле. То же самое он делает на протяжении всей книги. Вдумчивый читатель не найдет ответа на вопрос—какая же разница между товарооборотом и торговлей? Да и кроме того, автор этой книжки совершенно не разбирается в самых элементарных понятиях экономики переходного периода.

² Ленин, Собрание сочинений, т. XVIII, ч. 1, стр. 199.

зовать торговлю, как форму организации связи между социалистическим и мелкотоварным хозяйством и, во-вторых, учиться культурно торговать, т.е. использовать все организационные и технические формы капиталистической торговли. Ни на минутку не может встать вопрос о том, что Ленин предлагал нам учиться той „экономике“ торговли капиталистического хозяйства, которая полностью строится на капиталистической системе распределения продуктов—товаров. Наша задача, по Ленину, заключается в том, чтобы мы в этой части использовали технические формы торговли в интересах социалистического строительства. Но именно использовали, т.е. тщательно просеяли через сито социалистического хозяйства и его задач.

С другой стороны, говоря о необходимости учиться торговать, Ленин тем самым подчеркивает особенности нашего хозяйства. Организовать торговлю мы должны только на основе учета тех изменений, которые вносит вся советская экономика в процесс товарооборота в переходном периоде. Нельзя поэтому механически пересаживать на советскую почву капиталистическую систему торговли, а строить ее можно только на основе изучения советского товарооборота, поскольку торговля является формой товарооборота, поскольку вся она должна строиться как производное от самого товарооборота. Поэтому мы делаем ошибку, когда некритически переносим к нам организационные формы торговли из системы капиталистического хозяйства. Ведь этого не делаем мы в промышленности. Каждый год требует от нас пересмотра организационных форм торговли, поскольку изменяются отношения между отдельными секторами нашего производства и поскольку все большая и большая товарная масса концентрируется в руках государства, а тем самым изымается из стихийного торгового оборота.

Мы указывали на то, что торговля является формой товарооборота. Но и самый товарооборот в системе капиталистического хозяйства является стихийным, бесплановым. Если торговые сделки не отражают в себе самого процесса товарооборота, то и товарооборот не является действительно продвижением товара только по необходимым ступеням от производителя к потребителю. Да если и отражает действительное продвижение, то это продвижение нам не дает гарантий в том, что оно действительно целесообразно и экономически необходимо. Поскольку перед носителем торгового капитала стоит центральный вопрос только об извлечении торговой прибыли,— для него это и неважно. Купец только тогда стремится к сокращению звенности в товарообороте и к скорейшей доставке товара потребителю, когда у него имеется расчет получить благодаря этому дополнительную прибыль. Совершенно иное положение создается в хозяйстве переходного периода. В основу распределения товаров здесь кладется принцип хозяйственной целесообразности. Важен не непосредственный итог обмена, т.е. реализация стоимости и получение торговой прибыли, а экономический эффект. Поэтому

самый товарооборот строится с таким расчетом, чтобы он выражал в себе действительное продвижение товара от производителя к потребителю без излишних инстанций, с наименьшими затратами. „Торговый капитал“ здесь, являющийся той частью всего общественного „капитала“, которую государство организовано выделяет для обслуживания товарооборота, вовсе не преследует, как основную цель, извлечение торговой прибыли, а является орудием проведения товарооборота соответственно целям, которые ставит перед ним государство. Купец, как носитель торгового капитала, здесь отсутствует и заменяется служащими, которые выполняют порученную им работу. Поэтому, основной задачей здесь является приближение всего процесса товарооборота к идеальному распределению, имеющему своей целью самыми прямыми путями связать производство с потреблением. Схематически мы уже изображали в ряде своих работ все народное хозяйство с точки зрения изучения процессов товарооборота следующим образом. Мы имеем четыре основных группы товаров, которые продвигаются от производства к потреблению: 1) от централизованного производства к централизованному потреблению; 2) от централизованного производства к распыленному потреблению; 3) от распыленного производства к централизованному потреблению; 4) от распыленного производства к распыленному потреблению.

В первую группу можно отнести торговлю теми товарами, которые производятся исключительно для заранее определенного потребления и фактически на рынок не поступают. Сюда относятся паровозы для нужд транспорта, машины для промышленности, турбины, часть угля, которая добывается непосредственно для нужд транспорта и крупной промышленности и т. д. Здесь мы имеем непосредственную связь между отдельными частями хозяйства и фактически в обмене этими товарами нет торговли в точном смысле этого слова. Ко второй группе относится продукция государственной и централизованной кооперативной промышленности, которая идет на широкий рынок — мануфактура, обувь, предметы обихода и т. д. Хотя в потреблении этих товаров и имеется налицо распыленный рынок, индивидуальный потребитель, но здесь все же концентрированная масса товаров распределяется в основном по определенному плану, движение товарных масс контролируется, и направление всего товарооборота по определенному руслу возможно. Сложнее обстоит дело с третьей группой, где существование мелкого производителя (хлеба, сырья, пищевых продуктов) усложняет процесс организации товарооборота. И, наконец, последняя группа, которая охватывает, главным образом, внутрикрестьянский товарооборот, местную торговлю и частно-капиталистическое производство и где мы имеем значительное приближение к капиталистическим формам хозяйства. Удельный вес каждой из этих групп во всем товарообороте определяет его качество, т.е. степень приближения к тому чистому товарообороту,

который превращает торговлю в исключительно-техническую форму процесса обмена. Мы на этом вопросе не будем останавливаться, потому что это отвлекло бы нас от основной задачи. Но должны указать здесь, что такое разделение условно и с каждым годом в строительстве социалистического хозяйства соотношение отдельных частей социалистического, капиталистического и мелкотоварного хозяйства вносит большие изменения в эту схему, как отражение тех процессов, которые происходят во всем хозяйстве.

Если в хозяйстве переходного периода сохраняется рынок, если существует форма цены, торгового капитала, прибыли и т. д., то из этого ни в какой мере не следует, что сохраняется и торговля в том ее виде, в каком мы имеем ее в капиталистическом хозяйстве. В последнем товарооборот скрывается за формой торговли, проявляется только через нее. Для экономиста-исследователя, представителя буржуазной науки, в торговле выливается весь процесс обмена. Для нас картина меняется. Мы видим не только форму, но и существо процесса. Для нас ясно, что изучение торговли и ее функций целесообразно только на основе изучения товарооборота. Самый товарооборот мы можем не только изучать, но и регулировать, так как изучение его неразрывно связано с изучением всего народного хозяйства в целом. Если мы не можем произвести дефетишизацию всех категорий товарно-денежного хозяйства до тех пор, пока имеем товарно-денежное хозяйство, то мы уже сейчас можем произвести дефетишизацию торговли и поставить ее на место, отказав ей в праве представлять товарооборот как процесс распределения товаров.

И это понимание разницы между товарооборотом и торговлей имеет для нас огромное практическое значение, равно как и экономический анализ самого товарооборота. А у нас часто не только не производится достаточного разграничения между понятием торговли и товарооборота, но и при анализе самого товарооборота берется формальная сторона этого процесса без анализа экономического содержания. Нам всем хорошо известно, что наши экономисты оперируют с цифрами по „товарообороту“, отмечая рост его и т. п. путем сравнения оборотов государственной и кооперативной торговой сети с частной и т. д. Но во всех этих сравнениях выступают цифры, которые ни в какой мере не отражают реального продвижения товаров и изображают часто не реальный товарооборот, а торговый оборот.

Если мы имеем в кооперативной торговле, примерно, пять звеньев, а частник имеет два звена, то так называемый товарооборот, подсчитанный на основе учета всех сделок, ни в какой мере не говорит о том, сколько действительно товаров продвинулось от производства к потреблению через кооперацию и частника, если мы не учтем самой звенности. Сравнения особенно по годам ничего не дают, если не учитывать на ряду с торговым оборотом, который у нас называют часто товарооборотом, и действительный то-

варный оборот, как продвижение товаров от производства к потреблению.

Если в капиталистическом хозяйстве торговый оборот, т. е. сумма торговых сделок, может до некоторой степени служить материалом для изучения хозяйства, то в хозяйстве переходного периода нельзя этим удовлетвориться и необходимо учитывать реальное продвижение товаров. Мы делаем это, особенно когда исчисляем емкость и товарность рынка, когда определяем товарный дефицит. Но на ряду с этим мы оперируем и такими данными, которые ни в какой мере не помогают нам лучше учесть рынок и лучше его организовать. Мы часто сами себя запутываем некритически взятыми данными о состоянии „товарооборота“ только потому, что игнорируем особенности хозяйства переходного периода и фетишизируем формы капиталистического хозяйства.

Но этого мало. Смешение понятия торговли и товарооборота приводит часто к гипертрофии отдельных торговых институтов в нашей торговой системе. Мы „учимся торговать“, игнорируя нашу хозяйственную систему в целом и перенося к нам такие формы, которые берем из капиталистической торговли, преследующей совершенно иные цели, чем наша торговля. Мы стремимся часто к росту оборотов, совершенно не учитывая реального их значения. Мы насадили в первые годы нэпа бесчисленное количество бирж и только позже спохватились, что они нам не нужны. Мы преувеличили значение ярмарок и еще до сих пор не изжили увлечения ими. Правда, нужно отметить, что многие явления преувеличения роли торговли (а не товарооборота!) вытекают из особенностей и сложности нашего хозяйства. Отдельные торговые организации, работающие на основе хозяйственного расчета, недостаточно организованы, т. е. недостаточно подчинены единому плану. Они выступают на рынке, как автономные единицы, преследуя собственные цели. Их выступление на рынке часто преследует те же экономические интересы, что и выступление купца в капиталистическом хозяйстве — погоня за прибылью, стремление к вытеснению конкурентов. И естественно, что их торговая деятельность и форма этой деятельности мало отличается от деятельности настоящего купца. Это, конечно, ненормально, но в данных условиях понятно. Правда, поговорка гласит: „понять — значит простить“, тем не менее, мы здесь должны вести организованную борьбу с подобными явлениями. Естественно, что эта борьба будет обеспечена успехом по мере того как будет устанавливаться непосредственная связь между производством и потреблением, по мере того как мелкое производство будет отмирать.

Но уже сейчас нужно ставить перед собой задачу тщательного анализа всех элементов торговли с точки зрения товарооборота, как элемента народно-хозяйственной жизни. Государство в лице Наркомторга должно чувствовать себя не купцом, который занимается коммерцией в своих интересах, а организатором распределе-

ния товаров в интересах совершенно нового хозяйственного организма. Оно должно стремиться к пересмотру системы торговли и торговых институтов, которые мешают анализу процесса распределения, а не облегчают его. И мы должны отказаться от ряда таких положений, которые хороши для купца, но плохи для социалистического хозяйства. Кое-что мы в этом отношении делаем. В частности, у нас уже поставлен вопрос об издержках обращения совершенно по-новому, с учетом их народнохозяйственного значения. Сделано начало, но оно требует пересмотра нашей классификации торговых расходов, а она составлена по-старинке. Этого мало — необходимо сейчас уже поставить вопрос о системе бухгалтерского учета, который у нас скопирован полностью с капиталистической коммерческой бухгалтерии. Необходимо реформировать статистику торговли, подойти к выявлению вопроса об эквивалентности обмена между городом и деревней на основе учета роста производительных сил, а не ссылаясь на образцы 1913 года, что мы делаем до сих пор, безо всяких для этого оснований.¹ Только при такой дефетишизации торговли, только с отведением ей должного места мы сможем рационально ставить вопрос об упорядочении всего нашего товарооборота и о приспособлении его к задачам социалистического строительства. Наконец, пора поставить и вопрос об изучении процесса превращения торговли на отдельных ее звеньях в социалистическое распределение. Усиление генеральных договоров, развертывание контрактации заготовок сельскохозяйственных продуктов и ряд других социалистических элементов, внедряющихся в процесс распределения товаров, требуют от нас пересмотра системы торговли, приобретающей все больше и больше черты социалистического распределения.

¹ Об этом см. статью тов. Зака в № 9 „План. Хоз.“ за 1928 г.